

*Дарья Квант*

# **Птицы-странники**

**RUGRAM**

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос-Рус)6-44  
К32

**Квант, Д.**

К32 Птицы-странники / Д. Квант. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 204 с. — (Птицы-странники).

Рене — ученица балетной школы. С детства она мечтала стать прима-балериной в крупнейшем театре Нью-Йорка. Стертые до кровавых мозолей ноги, изнуряющие диеты, занятия до седьмого пота — все это не более, чем пустяк по сравнению с тем, что все вокруг тычет в нее пальцем и смеются, ведь Рене — уродина.

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос-Рус)6-44  
BIC FC  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91189-9

© Квант Д., 2023  
© Кластер А., оформление, 2023  
© RUGRAM, 2023  
© Т8 Издательские технологии, 2023

# Глава первая

Детство — запев самых нежных и добрых начал в человеке. Оно течет стремительно, быстро, как бушующая река, и, как правило, заканчивается на светлой, то-скливой ноте.

Рене с любовью вспоминала детство не потому, что тогда ее отражение в зеркале было более сносным, чем сейчас, а потому, что тогда, именно тогда в этом хрупком возрасте узнала, что люди способны летать. Не в прямом смысле, конечно. Метафора полета была даже лучше, ведь когда ты умеешь полноценно летать, высота уже не воодушевляет тебя, она становится привычным делом, а полет в гранд жете<sup>1</sup> дарит невесомость всего на пару секунд, и этот короткий пик именно то, чему могли бы позавидовать даже птицы.

В детстве Рене засматривалась трансляциями соревнований по художественной гимнастике; облегающие боди, яркие костюмы, грация и легкость движений

---

<sup>1</sup> Гранд жете - высокий прыжок, «шпагат» в воздухе.

как магнитом притягивали ее восхищенный взгляд, гимнастки — а потом и балерины — казались ей перышками, что вздымает вверх легкое дуновение ветра. Но все это — второстепенное. В подготовительной группе преподавательница учила, что на первых порах моральная основа важнее нагрузок, и Рене терпеливо внимала, а чуть позже уже в полной мере познала привычную боль в ногах, граничащую с удовольствием, особенно когда освобождала напряженные ступни и пальцы от пуантов. Сотни крошечных звездочек взрывались в ноющих руках и бедрах, пронизывали до самых костей, чтобы потом вспышками расслабленного утомления умереть в суставах, деревенеющих после изнурительных занятий. Многие бы назвали это проявлениями мазохизма, впрочем, как все балетные реалии. Но Рене считала, что мазохизм — это упорно подбирать для себя косметику, которая все равно не скроет твоих слишком больших глаз со впалым веком, квадратных скул и верхней губы, выглядевшей на фоне нижней несоразмерно огромной. Рене, конечно, красилась, как и все девочки, но легче ей от этого не становилось. Лет в одиннадцать она была просто некрасивым ребенком, но с возрастом она стала совсем гадким-прегадким утенком. В семнадцать лет быть страшной девочкой означало безотрадную юность. Но у Рене был балет, а это — как спасательный сигнал маяка, который позволял двигаться дальше.

В очередной будний день, перед выходом Рене закинула на плечо рюкзак, в который поверх формы положила пачку галет, которыми в случае чего можно

было полакомиться в перерыве, и непременно бутылку смузи. Набитый рюкзак привычно грузно шумел за ее спиной от каждого шага, и именно поэтому — а может, по невнимательности, Рене так и не поняла — она позорно пискнула, впечатавшись в чужое плечо.

Она боялась поднимать взгляд и какое-то время гипнотизировала едва заметный волосок, прилипший к пальто у воротника незнакомца, словно именно это было достойно внимания больше, чем сорвавшееся с языка мужчины ругательство. Последствие столкновения — кофе, растекшийся большой жирной кляксой по пальто и рубашке. Рене уловила запах молока, отчаянно цепляясь за сущие мелочи, которым обычно не придавала значения. Запах молока, шум машин, громкий мотор, запах молока и гари выхлопной трубы, волосок на грубой ткани чужого пальто, чей-то стучащий по асфальту каблук, запах молока, нет, сигарет тоже, запах молока и сигарет, молока и сигарет, сигарет, сигарет, сигарет... Уже опустевший и теперь точно ненужный стаканчик превратился в бесформенный кусок картона в сдержанно сжавшейся мужской ладони. Пострадавший даже головы не повернул, наградив Рене прицелом скосившегося в ее сторону сквернейшего взгляда. Кажется, Рене за всю жизнь не произносила столько «простите», сколько произнесла тогда в совестливо-удушливом порыве. И «простите», и «извините», и «я не хотела», когда единственное, чего она не хотела — быть подрезанной на перекрестке двух дорожек почти возле детского дома и после этого пялиться на чужую гладко выбритую щеку, не находя сил встать хотя бы

напротив, потому что незнакомец явно был слишком «свысока», чтобы сделать это самому.

Уже в академии Рене об этом не думала, благополучно выкинув случившееся из головы. В раздевалке она быстро сменила джинсы с футболкой на светлые колготки, черное боди с юбкой и мягкую балетную обувь. Миссис Мерритт обещала уделить разминке чуть меньше внимания и, наконец, сделать акцент на коротких, но беспрюирышных вариациях. Перед каждым конкурсом она уделяла внимание тщательной подготовке учениц, даже с учетом того, что далеко не каждой будет позволено участвовать. Никто еще не знал, чьи имена попадут в короткий список, но все жаждали узнать, поэтому раздевалка опустела быстро, и зал наполнился гулом и предвкушающими перешептываниями. В резво выстроившейся линии Рене заняла свое место. После морозных улиц зал казался средоточием вселенского тепла — немного душным. Густота воздуха щипала за лицо, но далеко не поэтому Рене вдруг стало трудно дышать.

Должно быть, зашедший в зал мужчина перепутал помещения, хотя его шаги в сторону покоящегося на одиноком стуле журнала были слишком уверенными для «извините, я ошибся дверью». Осанистый, неширокий в плечах; в брюках-стрейч и облегающей белой рубашке — одетый слишком винтажно и по-домашнему, чтобы не оценить еще и вписывающуюся в стиль немного зализанную назад прическу. Мужчина кинул на всех взгляд — слегка небрежный, как и его одежда — и открыл журнал, сверяясь со списком.

— Я так понимаю, все здесь, — он нахмурил выразительные брови, еще раз пробегаясь по списку. — Меня зовут Кристофер Каннигем, — сказал он чуть громче, захлопнув журнал. — С этого дня я буду проводить у вас занятия. Временно, разумеется.

А рубашку-то все-таки поменял.

Рене, отбеленная ужасом и стыдом, совсем перестала дышать, наивно помечтав превратиться в монумент или хотя бы провалиться сквозь землю, лишь бы терзания обернулись ее собственным исчезновением. Конечно, мужчина — Кристофер Каннигем — заметил ее и, следуя традиционному в подобных ситуациях способу дать это понять, еле заметно — и... самодовольно?.. — хмыкнул.

Единственным, кто не набрал в рот воды, оказалась Престон, поспешившая осведомиться:

— А миссис Мерритт сегодня нет?

— Вы ее видите? — в уголках губ мистера Каннигема залегла полуулыбка. — Я тоже не вижу. Поэтому предлагаю не терять время попусту и заняться насущным. У вас впереди конкурс сольного танца. Надо сказать, Нью-Йорк за последние несколько лет никто не обошел.

Из уст бывшей преподавательницы подобные вести звучали, конечно, печально, но с толикой мотивации, а теперь совсем иной голос, в котором бесстрастности больше, чем мягкости, обескураживал.

— Нам говорили, что на сегодняшнем занятии огласят список. Тех, кто будет представлять нашу академию.

Мужчина перехватил пыливый взгляд светловоло-  
сой девчонки.

— Мисс...

— Уоррен, — Сэм хоть и была новенькой, недавно переведенной в их группу, но постоянно проявляла ужасную нетерпеливость, если дело касалось всего того, что могло принести грамоты и медали.

— Мисс Уоррен, если вас не окажется в списке, вы узнаете об этом первой. Но не сегодня.

— Но ведь нам обещали...

— Обещал не я, мисс Уоррен, — вежливое обращение меркло на фоне безапелляционности тона. — Раз вы так целеустремленны, то после разминки именно вы продемонстрируете нам идеальный третий арабеск<sup>2</sup>.

Хоть Сэм и прикусила язык, этот Каннигем от своих слов не отказался. Экзерсис\* под его пристальным наблюдением проходил сносно, но, как подытожили девчонки после урока, шушукаясь в раздевалке, лучше бы не проходил вообще. Его остро-впивающийся взгляд пронизывал до самых нещадно тянущихся мышц, медленно, слой за слоем, вскрывая сначала эпидермис, а затем и прочие покровы, и Рене чувствовала себя насквозь и против воли пропальпированной, особенно на сложной части растяжки, когда выработанная годами гибкость вдруг обращалась в облитую азотом твердь.

---

<sup>2</sup> Арабеск — одна из основных поз классического танца, при выполнении которой опорная нога стоит на целой ступне, на полупальцах или на пальцах (пуантах), а рабочая нога поднята на 30°, 45°, 90° или 120° вверх с вытянутым коленом.

Или это просто придирчивость группы после никак не объясненного ухода любимой преподавательницы возросла вплоть до мнительного «он-постоянно-на-всех-смотрит-так».

Благо, Каннигем не имел ничего против тихих разговоров во время упражнений на ковриках. Только прошелся вдоль туда и обратно, оценивая физическую подготовку каждого. Рене делала растяжку бицепсов бедер, постепенно ложась грудью на ногу и склонив голову вниз. Она сразу заметила вставшую над ней тень и опасно-робко подняла голову.

— Что с коленом? — Каннигем кивнул на перетянутую эластичным бинтом левую ногу.

— Ничего, сэр, — ответила Рене. — Просто потянула.

Смотря перед собой и не замечая ничего, Рене продолжала разогревать мышцы, с облегчением на душе дождавшись, пока мужчина не пошел дальше. В группе восемь человек, и Рене не могла назвать приятным то, что тот одарил вниманием именно ее. С миссис Мерритт у нее не было каких-то особо теплых отношений, но однажды она помогла Рене в одном важном, невероятно важном деле. Миссис Мерритт была близка к преклонному возрасту, да и взяли ее на работу в городскую балетную академию только потому, что уважающие себя профессионалы воротили от этого места нос, но Мерритт передавала своим ученицам опыт не из «протокольного» чувства долга, подкрепленного энной суммой денег, а потому, что искренно желала каждому грандиозных успехов. Даже Рене, хоть и ставила ее по-

стоянно в кардебалет во время выступлений. Перед тем как уйти, она заложила в них незаменимый фундамент. Хотя бы поэтому Рене должна была выяснить, почему та оставила свою группу незадолго до выпуска. Просто так не бросают любимую работу, просто так не заменяют педагога с большим стажем на человека, которому и тридцати пяти-то наверняка нет. В конце концов, просто так, не попрощавшись, не уходят.

На середине<sup>3</sup> Сэм-таки показала арабеск. Ее сестрица, Адалия, не отводила восхищенно-пораженного взгляда от крепкой сбалансированной стойки на пуантах. Все и правда казалось идеальным. Пока Каннигем не развеял победоносную ухмылку Уоррен фразой о недостаточно вытянутой маховой ноге.

Вместо обычных трех часов прошло три с половиной, и непонятно, оттачивал ли Каннигем их навыки или свое без того совершенное владение грамотными, но жесткими намеками на ошибки. По окончании занятий все разбежались с такой скоростью, словно кто-то собирался кого-то покарать за лишнее время, проведенное здесь. Рене же спокойно перекусила двумя пластинами галет, запив смузи, и вернулась в погрузившийся во мрак зал. Так даже лучше — в тишине и темноте, немного рассказываемой лишь светом уличных фонарей, и наедине с гармонией своего «я». Когда никто не смотрел, ей легче дышалось, движения становились более плавными. Казалось, что ступни не касались пола, точно открывались какие-то внутренние резервы уверенности и силы.

---

<sup>3</sup> Под «серединой» подразумевается середина зала.